

УДК 316.624



Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи

**Александр Николаевич Тесленко**

Кокшетауский университет имени А. Мырзахметова
(Кокшетау, Казахстан)
teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Аннотация

Введение. Для современной молодежной культуры актуальна проблема остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга. В условиях организации образования функцию превенции этих и других форм социальных девиаций выполняют социально-психологические службы. Современная модель системы социально-психологической службы строится на принципах межведомственного партнерства и укрепления психологического здоровья. В процессе подготовки статьи проведена большая практическая работа по созданию и адаптации в ряде столичных организаций образования служб примирения в рамках проекта «Школа примирения: равный – равному», оказывающих поддержку социальной жизни учащейся молодежи в возрасте 10–17 лет. **Цель исследования** – анализ распространения различных форм остракизма (харассмент, моббинг, буллинг) как девиантологических конструкторов в образовательной и повседневной среде современной учащейся молодежи, роли системы психолого-педагогического сопровождения учащихся средствами практической психологии и восстановительной медиации. **Методология, методы и методики.** Методологической основой проведенного исследования являются современные подходы к проблеме психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи как важного компонента молодежной работы и профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, в том числе различных форм школьной травли (остракизма). Приступая к исследованию, автор исходил из гипотезы, что специально разработанная программа «Школа примирения: равный – равному» способствует профилактике остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга психолого-педагогическими средствами и позволяет снизить уровень агрессии, укрепить социальные связи внутри подростковых сообществ, развивая у несовершеннолетних такие личностные качества, как эмпатия, толерантность и навыки эффективной коммуникации и мирного разрешения конфликтов. Для достижения поставленной задачи и проверки исследовательской гипотезы применялась методика на выявление «буллинг-структуры» (Норкина, 2016), позволяющая с помощью 25 вопросов выявить признаки физического и психологического насилия в классе, определить роли и позиции учащихся в среде сверстников. В исследовании приняли участие 98 учащихся трех общеобразовательных школ столицы Казахстана. **Результаты** научно-исследовательской работы получили отражение в авторской программе «Школа примирения: равный – равному», которая обучает подростков управлять эмоциями, корректировать агрессивное поведение, формировать позитивные межличностные отношения. **Научная новизна** статьи обусловлена

системным и междисциплинарным анализом проблемы школьного остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга, имеющей общую девиантологическую основу с системой превентивной работы с несовершеннолетними. **Практическая значимость.** Эмпирическое исследование выявило общие и особенные характерологические признаки остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга в среде учащейся молодежи, а также особенности системы психолого-педагогического сопровождения школьников. Результаты исследования могут быть рекомендованы для применения в организациях образования разного типа.

Ключевые слова

школьный остракизм, харассмент, моббинг, буллинг, кибербуллинг, психологическое насилие, социализация учащейся молодежи, поколение Z / «центениалов», социально-психологическая служба, профилактика девиантного поведения

Благодарности

Исследование выполнено на материале научного проекта АР 14869235 «Молодежная работа как условие успешной социализации учащейся молодежи» по программе Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Тесленко, А. Н. (2025). Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 576–593.

Original paper

Prevention of school ostracism within the system of psychological and pedagogical support for students

Alexander N. Teslenko

Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov

(Kokshetau, Kazakhstan)

e-mail: teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Abstract

Introduction. Modern youth culture faces the pressing issue of ostracism manifested as harassment, mobbing, and bullying. Within educational institutions, the function of preventing these and other forms of social deviance is performed by socio-psychological services. The modern framework of the psycho-social support system is based on principles of interdepartmental collaboration and the promotion of psychological well-being. This article is based on substantial practical work on establishing and implementing reconciliation services in several leading educational institutions in the capital, as part of the “School of Reconciliation: Peer-to-Peer” project. These services are designed to support the social functioning of students aged 10 to 17. **This study aims** to analyse the prevalence of various forms of ostracism - harassment, mobbing, and bullying - as constructs of social deviance in the educational and daily environments of modern youth, and to examine the role of psycho-pedagogical support system through the means of practical psychology and restorative mediation practices. **Methodological Framework, Methods, and Techniques.** This study is grounded in contemporary methodological approaches to psycho-educational support for youth, which is viewed as a vital element

of youth work and the prevention of deviant behaviour, including various forms of school-based harassment and ostracism. The research was guided by the hypothesis that the specially designed “School of Reconciliation: Peer-to-Peer” program serves as an effective psycho-educational tool for preventing ostracism - manifested as harassment, mobbing, and bullying. The program is expected to reduce aggression, strengthen social cohesion in adolescent groups, and foster the development of key personal qualities in minors, including empathy, tolerance, and skills in effective communication and peaceful conflict resolution. To address the research objectives and test the hypothesis, the study utilised the “Bullying Structure” diagnostic methodology (Norkina, 2016). This instrument, comprising 25 questions, is designed to identify signs of physical and psychological abuse within a class and to map the roles and social positions of students among their peers. Participants included 98 students from three secondary schools in Astana, Kazakhstan. **The outcomes of the scientific research** have been incorporated into the author’s program “School of Reconciliation: Peer-to-Peer”. This program is designed to equip adolescents with skills in emotional regulation, modification of aggressive behaviour, and the development of positive interpersonal relationships. **The scientific novelty** of this article lies in its systemic and interdisciplinary examination of school-based ostracism - manifested as harassment, mobbing, and bullying. This analysis establishes a link between these phenomena and the framework of preventive work with juveniles by identifying their shared deviantological foundation. **Practical Implications.** This empirical investigation has identified both common and distinct characteristic features of ostracism – manifested as harassment, mobbing, and bullying- within the student population. It has also delineated key aspects of the existing psycho-educational support system for schoolchildren. The findings offer practical recommendations applicable to a wide range of educational institutions.

Keywords

school ostracism, harassment, mobbing, bullying, cyberbullying, psychological abuse, youth socialisation, Generation Z / centennials, psycho-social service, prevention of deviant behavior

Acknowledgments

This study was carried out as part of the research project AP 14869235, “Youth Work as a Prerequisite for the Successful Socialisation of Students”, funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Teslenko, A. N. (2025). Prevention of school ostracism within the system of psychological and pedagogical support for students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 576–593.

Введение

В условиях модернизации всех сторон общественной жизни и массового сознания меняются нормативные системы и поведенческие модели населения, прежде всего молодежи. Инновационный потенциал молодежи лежит в самой природе этой социально-демографической группы, которая сама по себе не прогрессивна и не консервативна, она «всего лишь сила, готовая к любому начинанию», поэтому задача науки стоит в том, «чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что общество может ожидать от молодежи (скрытый ресурс)» (Манхейм, 1994).

В XXI в. инновационный потенциал развития стали связывать с появлением нового молодого поколения, получившего в научном дискурсе название «центениалы» или «поколение Z» / «зумеры» (Howe & Strauss, 2000). Они «родились с гаджетом в руках», что сформировало у них специфическое мышление, мировосприятие, ценностные и мотивационные установки. Поколение Z – дети киберсоциализации (Digital Natives – «аборигены цифрового мира»), потребительского общества и либеральной идеологии. Погруженные в иллюзорную

виртуальную среду, они воспринимают ее искаженно, в виде потока легко воспринимаемых, поверхностных информационных единиц («клипов»), не связанных с какой-либо смысловой наполненностью (Prensky, 2013). Иллюзия «владения информацией» и «клиповое мышление» тесно связаны с нейропсихологическими процессами: асоциальной неустойчивостью, сверхвозбудимостью, склонностью к аутизации (погруженности в себя), защищающей от внешних проблем, и собственным взглядом на мир. Это поколение – «свободолюбивые молодые люди, не доверяющие никому, в том числе обычным авторитетам и власти».

Как продукт гиперопеки и максимального влияния родителей, зумеры возлагают на них всю ответственность за собственные проблемы, при этом отрицая опыт предшествующих поколений. Во многом это результат воздействия агрессивного видеоконтента, проецируемого на сознание детей и молодежи с момента их рождения, причем 80 % этого контента – это крайне насильственные формы поведения, убийства, представленные в яркой, эффектной форме, западающие в память ребенку, подростку, молодому человеку. Согласно принципу единства интериоризации / экстериоризации, рано или поздно подобные агрессивные паттерны будут воспроизведены в реальной жизни. Неудивительно, что, по данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, 50 % правонарушений и преступлений, совершаемых в стране, приходится на молодежь. По итогам января – сентября 2025 г., к уголовной ответственности привлечены 1703 несовершеннолетних – это самый высокий показатель с 2019 г. (рис. 1).

Анализ структуры подростковой преступности показывает, что основную часть правонарушений составляют кражи, хулиганство, грабежи, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (рис. 2). Главная причина роста подростковой преступности – отсутствие контроля со стороны родителей и общественности. По данным МВД РК, с начала

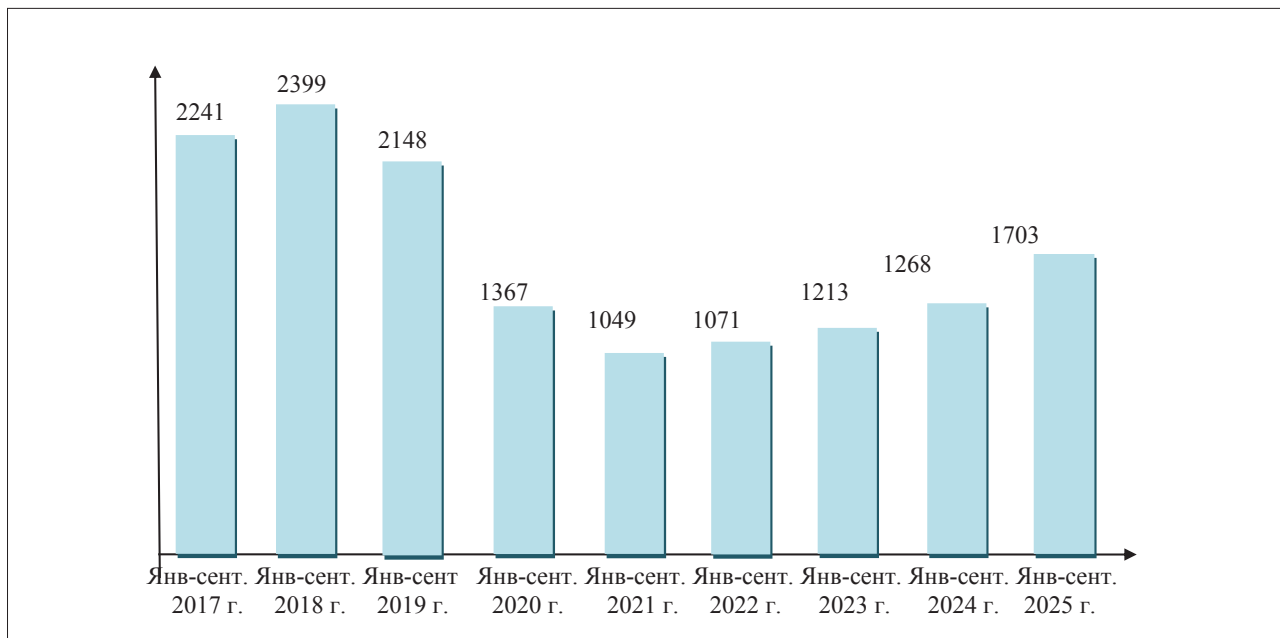


Рис. 1. Число несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности (данные Комитета по правовой статистике и специальным счетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан)

Fig. 1. Number of Juveniles Prosecuted (Data from the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan)

2025 г. 107 тыс. родителей и 5100 развлекательных учреждений привлечены к ответственности за нахождение несовершеннолетних на улице в ночное время.

Подростковая преступность часто носит групповой характер. В 2024 г. МВД РК выявлены 1800 неформальных лидеров молодежных банд, 1632 несовершеннолетних привлечены к ответственности за совершение групповых правонарушений. Психологически тенденция организации криминальных сообществ подростков объясняется процессами самоутверждения, взросления личности и обычно рассматривается окружающими как проявление озорства, детской безответственности, шалости (мелкие кражи, хулиганство). Однако подобные сообщества представляют собой большую опасность, так как создают маргинальную среду, усвоение норм которой приводит к устойчивой деликвентной модели поведения.

Социально-педагогическая практика показывает, что начало уголовных правонарушений кроется в ранних этапах социализации по месту жительства и учебы подростка. Микросоциум является ведущим институтом социализации ребенка, однако, не всегда безопасным. Социальная и психологическая незащищенность ребенка делает его перманентной жертвой унижений и притеснений, что стимулировало с конца XX в. междисциплинарные

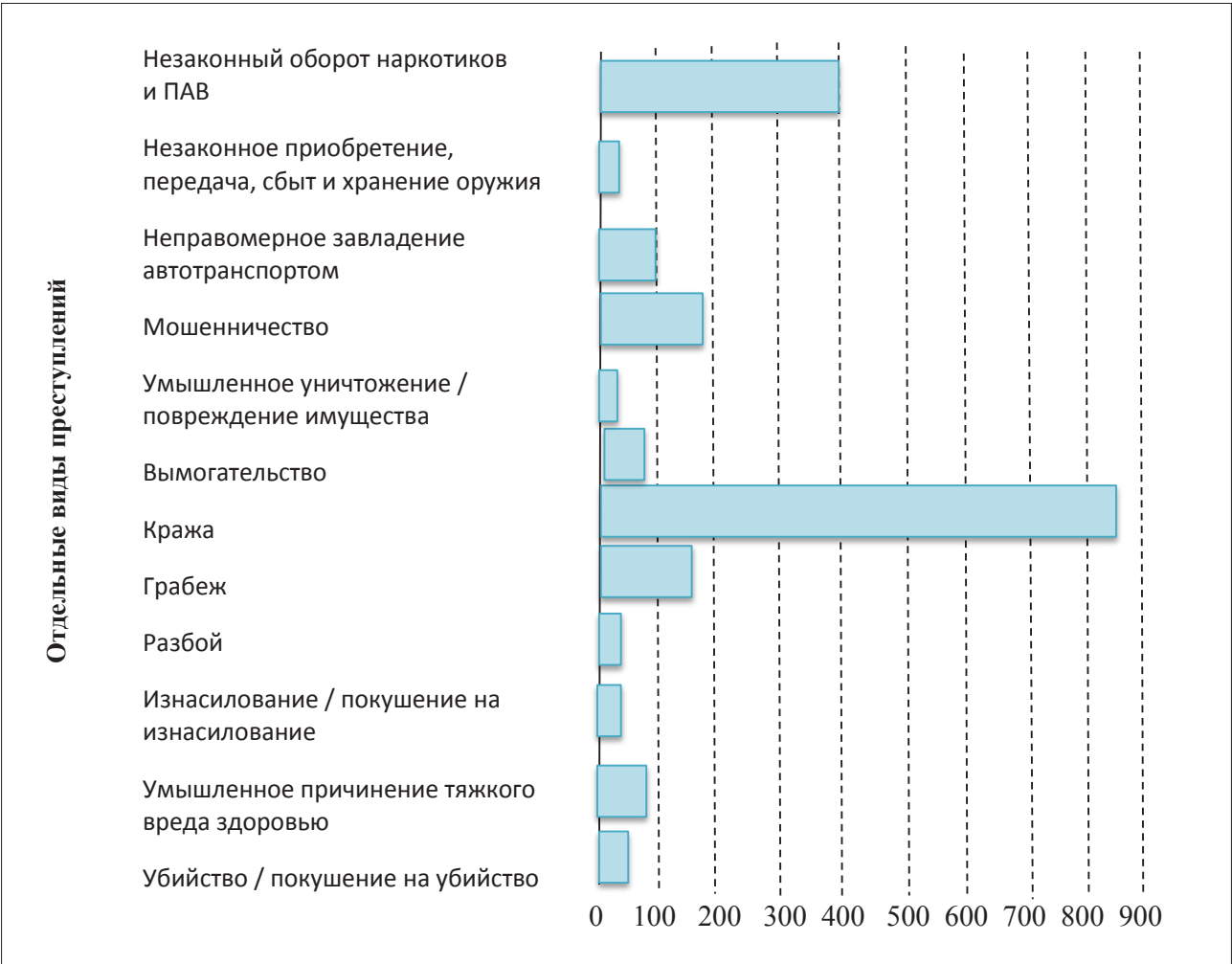


Рис. 2. Отдельные виды подростковой преступности за 2024 г.

Fig. 2. Types of Juvenile Crime in 2024

исследования в области социального остракизма и родственных феноменов (Мартынова, 2016; Бойкина, 2019). Фундаментальной основой исследований стала теоретическая модель социального остракизма – модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени его воздействия К. Д. Вильямса (*Temporal Need Threat Model*), которая обобщила и систематизировала результаты теоретико-экспериментальных трудов его предшественников (Baumeister & Leary, 1995; Twenge et al., 2001) и была дополнена собственными эмпирическими данными (Williams, 2009). Описывая данный феномен, К. Д. Вильямс и его коллеги рассматривали социальный остракизм как сложное многогранное явление, как неразрывно связанные процессы игнорирования, исключения и отвержения. Автор структурировал процесс остракизации, выделив три последовательных стадии (рефлекторную, рефлексивную и резигнации/принятия) и предложив типологию игнорирования и остракизма, обусловленную разными причинами и целями: ролевой, защитной, ненамеренной, пунитивной (карающей) и псевдо-остракизмом (Williams, 2007; 2009).

Опираясь на работы К. Д. Вильямса и его модель социального остракизма, ученые разных отраслей знаний постсоветского пространства также стали активно исследовать данный феномен, расширив его родственными формами, такими как буллинг в различных его проявлениях (Бочавер & Хломов, 2013), харассмент (Клейберг, 2015), стигматизация (Липай, 2004), одиночество (Локова и др., 2021). Изучены факторы проявления агрессии подростков и психологические механизмы процесса остракизации как фактора девиантного поведения в детско-подростковой среде (Реан & Коновалов, 2019; Бойкина, 2019; Чухланцев и др., 2021); предложены методы диагностики, оценки и профилактики риска противоправных действий у несовершеннолетних¹ (Чиркина и др., 2018).

Методы исследования

В нашем исследовании социальный остракизм рассматривается в рамках образовательного (школьного) пространства в наиболее типичных его формах, таких как харассмент, моббинг и буллинг.

В официальной риторике понятие «харассмент» (от англ. *harassment* – домогательство, преследование) как психологическое притеснение – это «любое несоответствующее и нежелательное поведение, которое способно оскорбить или унижить индивидуума. Харассмент может выражаться в форме слов, жестов или действий, направленных на то, чтобы вывести из себя, унижить, оскорбить, запугать, смутить другого, либо создать невыносимую, унижающую, враждебную или оскорбительную рабочую среду...»².

Харассмент в организациях образования носит, как правило, локально-групповой характер и тесно связан с ценностями и моделями социального поведения значимых подростково-молодежных сообществ (субкультур), которые дают каждому подростку, молодому человеку пространство для самореализации и удовлетворения актуальных возрастных потребностей, среди которых:

- потребность в обособлении, автономизации от взрослых, преодолении возрастных ограничений (социальных, морально-нравственных, культурных и др.);
- потребность в защите от гиперопеки и повседневного давления взрослых;
- потребность в адекватной самооценке, самоутверждении и самореализации;
- потребность в самоидентификации и приятии себя социумом;

¹ Дозорцева, Е. Г., Бадмаева, В. Д., Ошевский, Д. С., & Александрова, Н. А. (2012). *Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: методические рекомендации*. ФГБУ ГНЦССП имени В.П. Сербского Минздрава России.

² ЮНЕСКО. (2015). *Здоровье и жизненные навыки: Методическое пособие для учителей*.

- потребность в получении нового социального опыта и информации;
- потребность в досуге и удовольствиях (Клейберг, 2015).

Фрустрация любой из этих наиболее важных потребностей является триггером *аутсайдерства*, характеризующегося тем, что подросток, не нашедший своего места в референтной группе сверстников и не пользующийся доверием лидера, становится «неудачником», «слабаком», «изгоем», отверженным в группе³. Затем появляются насмешки, провокации, слухи, бойкоты, порча / кража личных вещей и другие формы психологического насилия, которое психологи называют *моббингом* (от англ. *mobbing* – травля, преследование).

В организациях образования моббинг проявляется как по горизонтали (горизонтальный моббинг) в виде притеснения со стороны одноклассников, сверстников, старшеклассников, так и по вертикали (вертикальный моббинг), когда инициатором психологической травли становится педагог. Проявляются горизонтальный и вертикальный моббинг как в открытой, так и в латентной форме. Такого рода психологический прессинг становится большим испытанием для подростка, приводя иногда к тяжелым последствиям (суицид и т. п.).

Моббинг имеет общую девиантологическую основу с другой формой психологического насилия – буллингом. В законе РК «О правах ребенка в Республике Казахстан» под *буллингом* понимаются «систематические (два и более раз) действия унижительного характера, преследование и / или запугивание, в том числе направленные на принуждение к совершению или отказу от совершения какого-либо действия, а равно те же действия, совершенные публично или с использованием массмедиа и / или сетей телекоммуникаций, и / или онлайн-платформ» (Буткевич, 2024).

Норвежский психолог Дэн Ольвеус, введя в научный оборот понятие «буллинг» (от англ. *bullying* – запугивать, задира́ть), дал ему следующее определение: «Буллинг – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти и физической силы» (Olweus, 1993).

Интернациональный характер проблемы школьного буллинга демонстрирует опрос интернет-сайта KidPoll (n = 1200): 576 подростков в возрасте 13–15 лет признались, что являются жертвой буллинга, причем 160 из них на постоянной основе, а 504 подростка заявили, что сами являются буллерами (агрессорами). Таким образом, каждый третий подросток испытывает на себе травлю сверстников. Эти данные подтверждаются казахстанской статистикой: согласно опросу, в рамках подготовки Доклада о положении детей в Республике Казахстан 72 % школьников сталкивались с проявлениями психического насилия в отношении себя как на территории школы, так и вне ее. Впервые за буллинг были привлечены к ответственности 256 человек⁴.

Буллинг в организации образования – это, как правило, «хронический конфликт, в котором присутствуют устойчивые роли агрессора и жертвы, где первый демонстрирует доминирующее положение (превосходство), различие в правах и свободах, а второй не имеет возможности противодействовать притесняющему воздействию со стороны демонстранта психологической агрессии и жестокости» (Olweus, 1984). Основные формы школьного буллинга:

- *физический буллинг* (умышленные толчки, удары, пинки, побои, нанесение телесных повреждений, сексуальные действия и т. п.);
- *психологический буллинг* (словесные оскорбления, обидные жесты, преследование, угрозы, запугивание, вымогательство, бойкот и т. п.);

³ Тесленко, А. Н. (2019). *Школа примирения «Равный – равному»: Методическое пособие*. ЦРОПП «Астана Дарыны».

⁴ Кусманова, А. Г., Апфельганц, Е. П., Сатыбаева, А. У., Беймишева, А. С., Шаимова, Д. Е., & Мукан, С. М. (2023). *Доклад о положении детей в Республике Казахстан в 2022 году*. <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4883>

– *кибербуллинг* – онлайн-травля с использованием любого девайса (телефон, планшет, компьютер и т. д.), чтобы преследовать и издеваться над своей жертвой (отправление обидных, угрожающих фотографий и сообщений, обзывание, распространение слухов и т. п.).

Последняя форма буллинга особо актуальна для представителей поколения Z, которые «родились с кнопкой в пальце», т. е. «социальные сети формируют ощущение потока, в котором все меняется каждую секунду»⁵. Для них онлайн – ведущее определение реальности, формирующее актуальные тренды, но эти же тренды способствуют и распространению новых форм буллинга: троллинга, хейтинга, флэйминга, секстинга, киберсталкинга, грифинга. Однако традиционные формы психологического насилия в организациях образования остаются наиболее распространенными.

Психологическое насилие – это неспособность образовательной среды и / или агентов социализации «обеспечить подходящую для ребенка доброжелательную атмосферу; оно включает действия, оказывающие неблагоприятное влияние на эмоциональное здоровье и развитие ребенка: ограничение его активности, оскорбления, осмеяние, угрозы и запугивания, дискриминации, неприятие и другие нефизические формы враждебного обращения»⁶. Противостоять этим явлениям должна комплексная, системная работа по профилактике правонарушений несовершеннолетних. В основе данной работы лежат два главных принципа: 1) принцип психологического здоровья – обучение навыкам адаптации к быстро меняющимся условиям социализации; 2) принцип социально-психологического благополучия – создание комфортных условий социализации. Основные факторы социально-психологического благополучия – это факторы социальной среды и сама личность как субъект социализации и развития. Оба этих фактора обеспечивают безопасную и позитивную социализацию в процессе педагогического взаимодействия, поэтому центром внимания педагогической общественности должна стать проблема обеспечения психического здоровья участников этого взаимодействия (рис. 3).

Идеи психологически безопасной образовательной среды логично вписываются в разработанную автором модель развития социально-психологической службы организаций образования, успешно внедренную в общеобразовательных школах столицы Казахстана городе Астане (рис. 4). Опыт внедрения показывает, что данная модель реально создает условия для своевременной психологической помощи и коррекции поведения педагогически запущенных учащихся с проблемами поведения.

На диагностико-аналитическом этапе социально-психологическая служба обеспечивает выявление различных форм психологического притеснения и насилия на ранних этапах при помощи российской автоматической программы компьютерной психодиагностики «Амалтея» (пр-во г. Санкт-Петербург). Например, методика «буллинг-структура» (Норкина, 2016) позволяет не только выявить наличие психологического насилия в школьном коллективе, определить роли и статусы учащихся в рамках конфликта, но и выделить учащихся группы риска. Получение достоверных данных о состоянии психического состояния учащихся группы риска позволяет быстро и оперативно формировать программы психокоррекционной работы благодаря освобождению от трудоемких рутинных операций первичной обработки данных.

Превенции кибербуллинга способствует мониторинг социальных сетей, анализ и быстрое реагирование на деструктивный контент в сети «Интернет» в рамках программы ТО «Интегра» (Казахстан). Целью программы является отслеживание при помощи ID-номера и электронной почты посещений учащимися школ и колледжей запрещенного контента

⁵ Сбербанк. (2016). *30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка*. http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

⁶ Всемирная организация здравоохранения. (2003). *Насилие и его влияние на здоровье: Доклад ВОЗ о ситуации в мире* (под ред. Э. Г. Круга). Весь Мир.

в трех социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Mail-агент»): переписки на «стенах», групп, музыки и другого рода открытой информации. При помощи определенных триггеров программа может отслеживать активность подростка в социальной сети и при необходимости оповещать родителей, педагогов о том, что тот или иной подросток посетил запрещенную или сомнительную группу, размещает информацию, которая носит характер остракизма (харасмент, моббинг, буллинг) или поставил лайк посту с сомнительным содержанием.

Создатели программы исходят из установки, что абсолютной нормой подросткового возраста является создание безопасного пространства, в которое допускаются только избранные, а родители должны иметь возможность помочь своим детям формировать позитивный онлайн-опыт, проводя мониторинг их интернет-активности, фильтрацию и ограничение негативного контента в интернете. Педагогическая общественность перед внедрением программы «Интегра» долго обсуждала этические аспекты применения цифрового мониторинга и рискологическую компетентность родителей. Высказывалось мнение об излишнем и некорректном вмешательстве родителей в личное пространство подростка. В результате реакция родителей

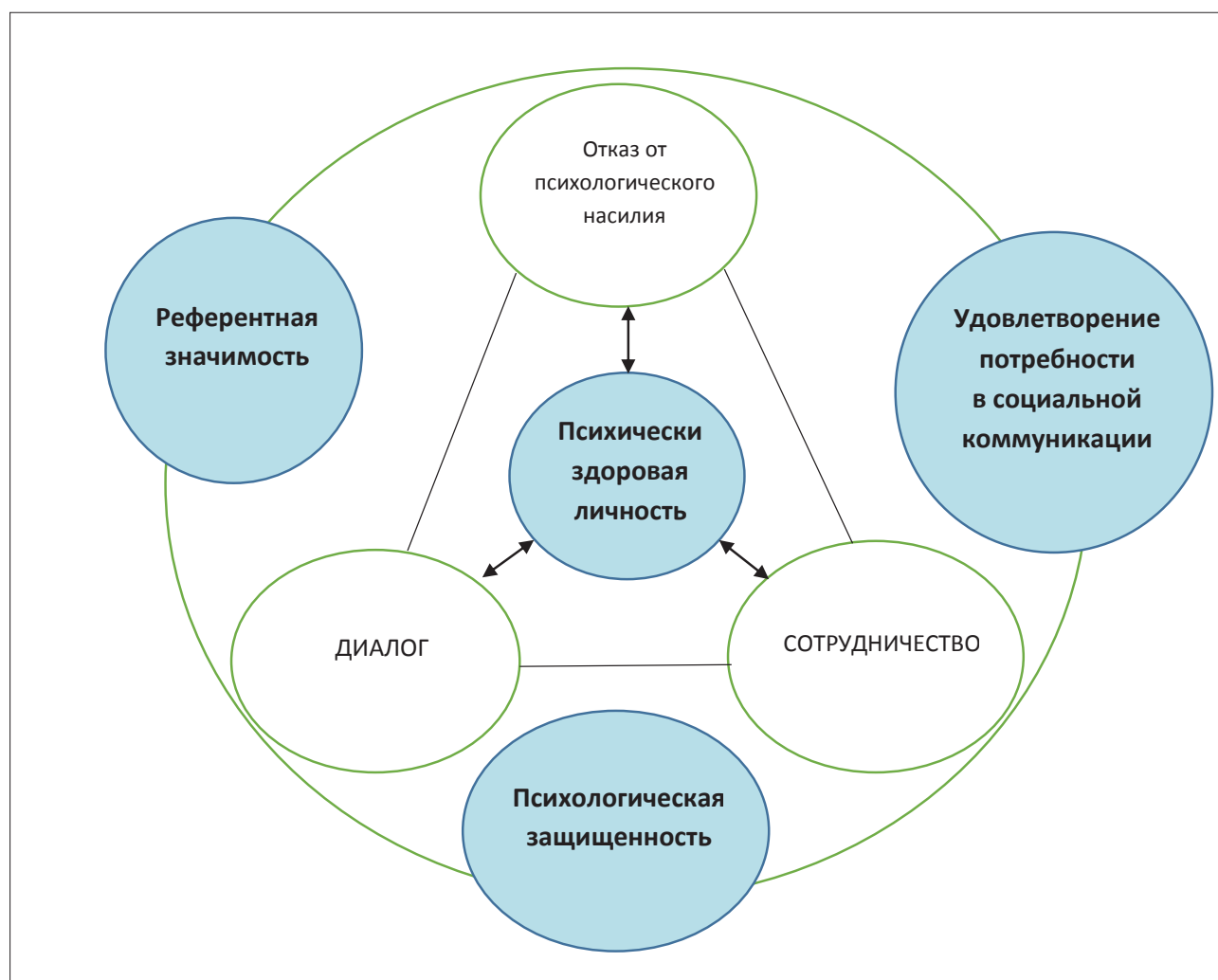


Рис. 3. Модель психологически безопасной образовательной среды

Fig. 3. Model of a Psychologically Safe Educational Environment

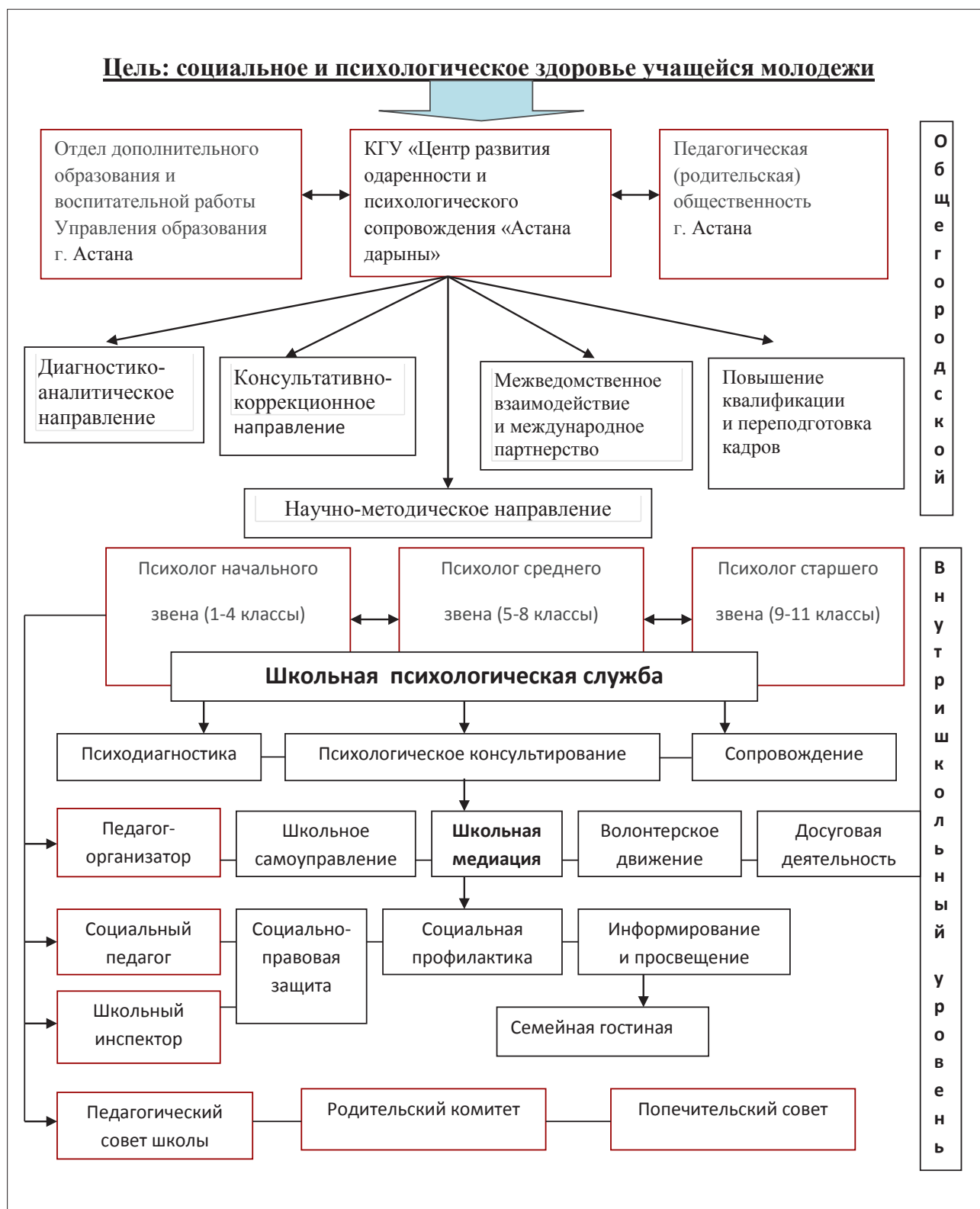


Рис. 4. Модель организации социально-психологической службы г. Астаны

Fig. 4. Model of the Psycho-Social Service Organisation in Astana

на рискогенный контент не предполагает ознакомления с личными сообщениями их детей, а лишь позволяет действовать наиболее адекватно в условиях максимальной неопределенности, идентифицировать риски и активизировать личностные и социальные ресурсы для их нивелирования.

Наиболее эффективно в последние годы проявил себя метод восстановительной медиации как «система теоретических представлений и набор практических способов, процедур и приемов работы по восстановлению межличностных отношений в условиях отчуждения, напряженности, насилия силами самих участников конфликта (правонарушения) при помощи и поддержке независимого посредника» (Аллахвердова, 2006).

На наш взгляд, медиация как средство профилактики школьного остракизма благодаря своим базовым принципам организации (добровольность, конфиденциальность, беспристрастность) не только позволяет успешно разрешать конфликтные ситуации, восстанавливать межличностные отношения, но и создает условия для реализации безопасной образовательной среды и конструктивной коммуникации в организации образования. Медиатор как центральный субъект медиативных переговоров и нейтральная, независимая сторона конфликта на каждом этапе примирительной процедуры обеспечивает конструктивный диалог участников противоправных ситуаций, но последнее слово, окончательное решение всегда за конфликтующими сторонами. Это хорошо прослеживается при анализе основных стадий восстановительной медиации (таблица 1).

Школьная служба медиации и другие методы профилактической работы с учащимися направлены на позитивное изменение (самоизменение) социального взаимодействия подростков,

Таблица 1. Краткое описание основных стадий восстановительной медиации

Table 1. Brief Description of the Main Stages of Restorative Mediation

№	Этап медиации	Цель этапа	Действия медиатора
1	Вступительное слово медиатора	Сделать процесс медиации ясным и предсказуемым для участников переговоров, создать атмосферу доверия как к процессу, так и к самому медиатору	<ul style="list-style-type: none"> • объясняет, что такое медиация, ее принципы (особое внимание обращается на принцип конфиденциальности); • инструктирует участников о правилах поведения, правах и обязанностях сторон; • выясняет мнение присутствующих о том, все ли стороны, от которых зависит принятие решения, присутствуют на переговорах; • предлагает участникам подписать соглашение об участии в медиации
2	Презентации сторон	Сторонам предлагается по очереди рассказать, как они видят сложившуюся ситуацию, что чувствуют и что хотят получить в результате переговоров	Стороны поочередно излагают свой взгляд на конфликт. Медиатор отделяет факты от субъективных интерпретаций и оценок
3	Дискуссия по выработке вопросов для переговоров	Стороны уточняют выслушанное, работают с эмоциями	

№	Этап медиации	Цель этапа	Действия медиатора
4	Кокус	Подготовить стороны к дальнейшим конструктивным переговорам	Констатируются интересы участников, при этом медиатор старается выявить точки сближения или прямого пересечения позиций и интересов сторон
5	Дискуссия по выработке предложений	Выработка решения, устраивающего обе стороны	Медиатор проверяет его на реалистичность, обсуждает дальнейшие шаги, если решение не будет исполнено
6	Подготовка и заключение соглашения	Сформировать соглашение, которое будет работать, т. е. стороны будут его выполнять	<ul style="list-style-type: none"> • проверка выдвинутых предложений на реальность; • окончательное редактирование письменного текста, устраивающего в равной степени все стороны; • обсуждаются меры, которые могут быть приняты каждой из сторон • в случае нарушения соглашения
7	Выход из медиации	Создать понимание у сторон, что они будут делать в дальнейшем, когда уйдут с медиации	<ul style="list-style-type: none"> • завершить процесс медиации (или медиационной сессии); • поблагодарить стороны за работу; • выявить степень удовлетворенности сторон достигнутым соглашением; • договориться со сторонами о мониторинге выполнения достигнутого соглашения; • согласовать действия и систему связи и оповещения, если стороны должны будут продолжить медиацию в ближайшее время
8	Профилактика постконфликта	Получение медиатором через «обратную связь» информации о результатах работы	

формирование их субъектности («Я»), социальной и личностной ответственности как главных критериев социального и психологического здоровья, причем в процессе учебно-воспитательной работы акцент делается не на тиражировании «готовых» социальных компетенций, а на конструировании личностных стратегий поведения, для чего активно применяются личностно-ориентированные технологии социально-психологической поддержки, прежде всего технология «равный – равному»⁷.

В нашем случае «группа равных» – это молодежная группа, которая объединена для обучения процедуре медиации и медиативному подходу в целях последующего применения этих знаний и умений при разрешении споров, предупреждении конфликтов среди сверстников, а также для распространения полученных знаний, умений и опыта среди сверстников. Создание молодежных служб примирения – это одна из гуманитарных технологий, которая может

⁷ Тесленко, А. Н. (2019). *Школа примирения «Равный – равному»: Методическое пособие*. ЦРОПП «Астана Дарыны».

способствовать, с одной стороны, запросам реализации актуальных потребностей поколения Z, с другой стороны, снижению конфликтности в этой среде, создавая безопасные условия самореализации личности в социуме.

В целях организации в школах и колледжах столицы волонтерской службы примирения и профилактики конфликтных ситуаций по технологии «равный – равному» в трех общеобразовательных школах Астаны проводилась работа по авторской программе «Школа примирения: равный – равному». Перед началом реализации программы была проведена первичная психодиагностика по методике Е. Г. Норкиной на выявление буллинг-структуры (Норкина, 2016), которая показала, что большинство участников (76,8 %) с высокой частотой используют лишь одну устойчивую стратегию – ролевую модель, но в то же время 28,2 % участников программы – более одной ролевой модели. Четверть выборки (25,9 %) считают акты насилия нормальным в коммуникации подростков и готовы применять силу, при этом 37 % опрошенных признались, что постоянно испытывают чувство одиночества и тревоги. Отсутствие устойчивой самооценки подтверждается тем, что большинство подростков оценивают себя через призму успеха в среде сверстников, что нормально в процессе формирования личности подростка. Уровень эмпатии в детских коллективах развит недостаточно; она характеризуется пассивным наблюдением и трудностями в коммуникативной сфере.

На этапе формирующего эксперимента одновременно с реализацией программы «Школа примирения: равный – равному» проводилась превенция различных форм школьного остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга, осуществляемая средствами социокультурной анимации и молодежной работы. По итогам работы была проведена повторная диагностика, которая показала, что большинство участников по-прежнему используют одну ролевую модель, но изменилась динамика использования каждой из ролей. Наиболее статистически значимыми оказались различия между средними значениями по ролевой стратегии «Защитник» (с 6,29 до 11,35) и «Помощник» (от 3,81 до 4,19), а стратегии «Жертва» и «Наблюдатель» не выявлены. Отвечая на вопрос 23 о действии в случае насмешек или буллинга слабых, 91,2 % опрошенных выбрали ответ «встану на защиту», а вариант «одним из первых стану смеяться над ним» не выбрал никто (при первичной диагностике 22,6 %), что, безусловно, говорит о положительном результате тренинговой работы с подростками (таблица 2).

Динамика по вопросу 7 значительно улучшилась: постоянно испытывают чувство одиночества и тревоги после тренинговой работы по программе «Школа примирения: равный – равному» только 11,8 % опрошенных (при первичной диагностике 37 %). Реальный опыт остракизма (игнорирования, исключения и отвержения) при повторной диагностике снизился более чем

Таблица 2. Сравнительная таблица результатов первичной и итоговой диагностики выраженности ролевых моделей среди подростков

Table 2. Results of Initial and Final Diagnostics of Role Model Prevalence Among Adolescents

Ролевая модель	Первичная диагностика (среднее значение)	Итоговая диагностика (среднее значение)	Изменения
Защитник	6,29	11,35	+ 5,06
Помощник	3,81	4,19	- 0,28
Жертва	3,72	0	- 3,72
Наблюдатель	4,51	0	- 4,51

наполовину (вопрос 10). Более того, ни один подросток не выбрал вариант ответа «со мной никто не дружит», а 73,8 % опрошенных считают, что в классе «со мной все дружат» (вопрос 16). Снизились параметры использования агрессии (вопросы 12) с 25,9 % при первичной диагностике до 33,7 % при итоговой диагностике. При этом увеличилось количество учащихся, предпочитающих разрешать спорные, конфликтные ситуации мирным путем (вопрос 15).

В целом анализ итоговых данных свидетельствует об эффективности программы «Школа примирения: равный – равному», которую можно оценивать по изменениям в личностных установках и просоциальном поведении учащихся. Критерием эффективности могут служить не только эмпирические данные итоговой психодиагностики, но и результаты наблюдения, содержания обратной связи с медиаторами-волонтерами, прошедшими курс «Школы примирения», с их учителями и родителями.

Результаты данного исследования позволяют расширить теоретико-эмпирическую базу исследования школьного остракизма в девиантологическом контексте. Центральная мысль, требующая общественного осмысления, сводится к тому, что школьный остракизм – это социально-психологическое насилие над личностью в условиях образовательного пространства, требующее особого внимания, в связи с чем в школьной и молодежной среде следует актуализировать вопросы его социально-педагогической профилактики, психологической коррекции и молодежной работы. Однако нужно предостеречь от кампанейщины «антибуллинга» в организациях образования, где часто психологическое насилие рассматривается «как самое ужасное оружие», которое чуть ли не хуже, чем физическое насилие, вызывающее долгосрочные психологические травмы.

Стоит ли удивляться, что в результате мы формируем «поколение снежинок» (snowflake generation), которое рассматривает межличностное общение через призму харассмента или буллинга, патологизируя нормальные детские шалости и ссоры, без которых невозможно взросление личности. Растет поколение, которое не имеет представлений о жизнестойкости. По меткому замечанию американского публициста Майкла Снайдера, «мы вырастили поколение бесхребетных слабаков, вечных мальчиков и девочек, которые никогда не станут настоящими мужчинами и женщинами... таких чувствительных и одновременно таких агрессивных»⁸. Это поколение выросло в абсолютно безопасной среде и, попадая в реальную (а не виртуальную) взрослую жизнь, они испытывают жуткий стресс и требуют от общества такой же защиты, как в детстве. Не в этом ли кроется глубинная природа всех вышеописанных форм остракизма – харассмента, моббинга и буллинга?

В качестве **главного вывода** данного исследования выделим положение о том, что превенция любых форм социальной девиации должна базироваться на конструктивном, партнерском диалоге всех субъектов образовательного процесса и личностно-ориентированном подходе к социально-психологическому сопровождению учащихся. Организации образования должны шире использовать разнообразные технологии молодежной работы и социокультурной анимации, что позволит им сформировать локальные гуманистические пространства, способные:

- транслировать и формировать этическую культуру субъектов образовательного процесса, в том числе через реновации идей советской школы;
- организовывать комплексное социально-педагогическое сопровождение учащихся на основе личностно-коллективистского, профилактического подходов;
- осуществлять системную превенцию любых форм девиантного поведения, включая различные формы остракизма (харассмент, моббинг, буллинг);

⁸ Снайдер, М. (2022). Мы вырастили поколение бесхребетных слабаков. Infozapad.ru. <http://infozapad.ru/?p=6849>

– обеспечивать противостояние деструктивным трендам современного социума (интернет-аддикции, потребительское мышление, космополитизм и т. п.).

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении мы видим в разработке и апробации комплексной системы профилактики школьного остракизма и других форм девиантного поведения, направленных на решение таких задач, как:

– первичная профилактика (формирование навыков нормативного, просоциального поведения на уровне школьной психологической службы);

– вторичная профилактика на основе выявленных рисков и проблем (восстановительная медиация, арт-терапия и т. п.);

– третичная профилактика аддиктивного, асоциального, деструктивного поведения (мотивационное интервью, мобильная работа, стритворк, когнитивная реконструкция и др.).

Данные социально-педагогические практики позволят создать локальные гуманистические пространства, в которых нет места остракизму и его последствиям.

Список литературы

- Аллахвердова, О. В. (2006). Медиация – новая коммуникативная практика в решении конфликтов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9 (4), 31–49. <https://www.jourssa.ru/index.php/jourssa/article/view/1500>
- Бойкина, Е. Э. (2019). Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. *Психология и право*, 9 (3), 127–140.
- Бойкина, Е. Э., Чиркина, Р. В. (2020). Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. *Психология и право*, 10 (1), 152–164. https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n1/112946
- Бойкина, Е. Э. (2022). *Социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних* [Диссертация кандидата педагогических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54420852>
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2013). Буллинг как объект исследований и культурный феномен. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10 (3), 149–159.
- Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Клейберг, Ю. А. (2022). *Основы психологии девиантного поведения* (2-е изд.). ИП Петросян.
- Клейберг, Ю. А. (2015). Психологический харассмент как фактор развития девиантного поведения. *Национальная ассоциация ученых*, 4 (9), 133–137.
- Норкина, Е. Г. (2016). Методика на выявление "буллинг-структуры". *Таврический научный обозреватель*, 3 (8), 170–174.
- Липай, Т. П. (2004). О проявлении стигматизации в процессе образования. *Социологические исследования*, (10), 140–141.
- Локова, М. Ю., Ханова, М. Н., & Захохова, М. Р. (2021). Феномен одиночества в молодежной среде. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, (1), 8–12. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-8-12>
- Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени* (С. Ромашко и др., пер.). Юрист.
- Мартынова, И. Р. (2016). Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. *Психология и право*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>

- Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал*, 1 (1), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Тесленко, А. Н., Колыванова, Л. А. (2025). Система психолого-педагогического сопровождения молодежной работы и профилактики девиантного поведения студентов и школьников (опыт Казахстана). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 27 (3), 70–78. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2025-27-102-70-78>
- Чиркина, Р. В., Делибалт, В. В., Дозорцева, Е. Г., Дегтярев, А. В., Дебольский, М. Г., & Воронина, А. В. (2018). К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК. *Психология и право*, 8(1), 77–94. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080106>
- Чухланцев, Ю. С., Чиркина, Р. В., & Куприянова, Е. А. (2021). Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков. *Вестник практической психологии образования*, 18 (4), 22–29. <https://doi.org/10.17759/bppe.2021180402>
- Baumeister, R. F., Leary, M. R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117 (3), 497–529.
- Howe, N., & Strauss, W. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. Vintage Books.
- Olweus, D. (1984). Aggressors and their victims: Bullying at school. In N. Frude & H. Gault (Eds.), *Disruptive behavior in schools* (pp. 57–76). Wiley.
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Blackwell Publishing.
- Prensky, M. (2013). *Digital natives, digital immigrants* (Reprinted from On the Horizon, 2001, 9(5)). https://is.muni.cz/el/fss/jaro2013/ZUR589f/um/Prensky_2001_.pdf
- Twenge, J. M., Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (2001). If you can't join them, beat them: Effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81 (6), 1058–1069.
- Williams, K. D. (2009). Ostracism: A temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)00406-1](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)00406-1)
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 58, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>

References

- Allahverdova, O. V. (2006). Mediatsiya – novaya kommunikativnaya praktika v reshenii konfliktov. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 9 (4), 31–49. <https://www.jourssa.ru/index.php/jourssa/article/view/1500>
- Bojkina, E. E. (2019). Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovaniy. *Psihologiya i pravo*, 9 (3), 127–140.
- Bojkina, E. E., Chirkina, R. V. (2020). Social'nyy ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya. *Psihologiya i pravo*, 10 (1), 152–164. https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n1/112946
- Bojkina, E. E. (2022). *Social'nyy ostrakizm kak faktor antisocial'nogo povedeniya nesovershennoletnih* [Dissertatsiya kandidata pedagogicheskikh nauk, Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskij universitet]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54420852>
- Bochaver, A. A., Hlomov, K. D. (2013). Bulling kak ob"ekt issledovaniy i kul'turnyy fenomen. *Psihologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 10 (3), 149–159.
- Butkevich, S. A. (2024). Shkol'naya travlya: osobennosti genezisa, proyavleniy i prevencii deviacij mezhlichnostnyh obshcheniy. *Rossiyskiy deviantologicheskij zhurnal*, 4 (4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>

- Klejberg, Yu. A. (2022). *Osnovy psikhologii deviantnogo povedeniya* (2-e izd.). IP Petrosyan.
- Klejberg, Yu. A. (2015). Psihologicheskij harassment kak faktor razvitiya deviantnogo povedeniya. *Nacional'naya asociaciya uchenyh*, 4 (9), 133–137.
- Norkina, E. G. (2016). Metodika na vyyavlenie "bulling-struktury". *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'*, 3 (8), 170–174.
- Lipaj, T. P. (2004). O proyavlenii stigmatizacii v processe obrazovaniya. *Sociologicheskie issledovaniya*, (10), 140–141.
- Lokova, M. Yu., Hanova, M. N., & Zahohova, M. R. (2021). Fenomen odinochestva v molodezhnoj srede. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*, (1), 8–12. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-8-12>
- Manhejm, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* (S. Romashko i dr., per.). Yurist.
- Martynova, I. R. (2016). Sovremennye zarubezhnye napravleniya issledovaniy faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih. *Psihologiya i pravo*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
- Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2019). Proyavlenie agressivnosti podrostkov v zavisimosti ot pola i social'no-ekonomicheskogo statusa sem'i. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1 (1), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Teslenko, A. N., Kolyvanova, L. A. (2025). Sistema psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya molodezhnoj raboty i profilaktiki deviantnogo povedeniya studentov i shkol'nikov (opyt Kazahstana). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 27 (3), 70–78. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2025-27-102-70-78>
- Chirkina, R. V., Delibalt, V. V., Dozorcheva, E. G., Degtyarev, A. V., Debol'skij, M. G., & Voronina, A. V. (2018). K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnyh kategorij nesovershennoletnih s protivopravnym povedeniem v kontekste deyatel'nosti PMPK. *Psihologiya i pravo*, 8(1), 77–94. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080106>
- Chuhlancev, Yu. S., Chirkina, R. V., & Kupriyanova, E. A. (2021). Social'nyj ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 18 (4), 22–29. <https://doi.org/10.17759/bppe.2021180402>
- Baumeister, R. F., Leary, M. R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117 (3), 497–529.
- Howe, N., & Strauss, W. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. Vintage Books.
- Olweus, D. (1984). Aggressors and their victims: Bullying at school. In N. Frude & H. Gault (Eds.), *Disruptive behavior in schools* (pp. 57–76). Wiley.
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Blackwell Publishing.
- Prensky, M. (2013). *Digital natives, digital immigrants* (Reprinted from On the Horizon, 2001, 9(5)). https://is.muni.cz/el/fss/jaro2013/ZUR589f/um/Prensky_2001_.pdf
- Twenge, J. M., Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (2001). If you can't join them, beat them: Effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81 (6), 1058–1069.
- Williams, K. D. (2009). Ostracism: A temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)00406-1](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)00406-1)
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 58, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>

Информация об авторе

Александр Николаевич Тесленко – доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова, директор Центра ювенологических исследований, Республика Казахстан, г. Астана.

About the author

Alexander Nikolaevich Teslenko – Doctor of Pedagogical Sciences (RK), Doctor of Sociological Sciences (RF), Professor in the Department of Social and Pedagogical Disciplines at A. Myrzakhmetov Kokshetau University, Director of the Center for Juvenile Studies, Astana, Republic of Kazakhstan.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.09.2025

Одобрена после рецензирования 15.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted September 25, 2025

Approved after reviewing December 15, 2025

Accepted December 28, 2025